

Интервью с Шамилем Фаритовичем ФАРАХУТДИНОВЫМ

«МОЙ ВЫБОР БЫЛ ЗРЕЛЫМ, Я ВСЕ РАВНО ВСТАЛ БЫ НА ЭТОТ ПУТЬ»

Фарахутдинов Ш. Ф. — окончил факультет «Рационального природопользования и прикладной экологии» Тюменской государственной сельскохозяйственной академии (2003), кандидат социологических наук (2006), доцент кафедры социологии, заведующий научно-образовательной лабораторией изучения общественного мнения Тюменского государственного нефтегазового университета.

Основные области исследования: Социология образования, социология молодежи, методология и методы социологических исследований.

Интервью состоялось: декабрь 2014 г. — январь 2015 г.

Развиваемая мною профессионально-возрастная стратификация российского социологического сообщества представляет собою систему временных интервалов продолжительностью в 12 лет; и здесь, как и в любой подобной типологии, можно говорить о «чистых» типах и «смешенных». «Чистый» образуют те, кто родился в шестилетие, расположенное в середине поколенческого интервала, «смешенный» — родившиеся в первой и в последней трехлетках интервала.

Так, шестое поколение советских/российских социологов объединяет тех, кто родился в интервале 1971 — 1982 годы. Легко понять, что срединная «шестилетка» - это годы с 1974 по 1979; родившиеся в этот период относятся к середине, (условно) «ядру» поколения, здесь четче всего проступают характерные для данной когорты черты. Родившиеся в первой трехлетке (1971-1973 гг.) — это старшие представители шестого поколения, и в процессе их социализации, в путях, которыми они шли в социологию, может зримо проступать то, что присуще предыдущему, пятому поколению. Наоборот, социологи, годы рождения которых приходятся на последнюю трехлетку (1980-1982 гг.), образуют младшую страту шестого поколения, и в их собственно биографических и карьерных путях — в целом — можно будет обнаружить как присущее собственно шестому и более ранним поколениям, так и следующей — седьмой когорте.

Шамиль Фарахутдинов родился в конце 1981 года, т.е. в рамках обсуждаемой типологии, принадлежит к «самой» младшей части шестого поколения: его социализация во многом проходила в контексте формирования шестого поколения, но его профессиональная деятельность протекает и будет развиваться в среде, где в равной мере будут присутствовать социологи «его» и следующего поколения.

Вот что он сам вспоминает: «Пионером я успел побыть год или два. Но сильного идеологического воздействия, по всей видимости, данный факт на меня не возымел. Тем не менее, процесс социализации в детстве я прошел в полной мере, поскольку родители почти каждое лето отправляли меня в пионерские лагеря, где я активно участвовал во всех мероприятиях <...> Вообще, если говорить об общественной деятельности, то мне скорее это нравится чем нет». Похоже, что в воспоминаниях представителей седьмого поколения «пионерского детства» не будет, и они будут иметь совсем иное представление об общественной деятельности. Есть у меня еще одна гипотеза, Шамиль, по базовому образованию, эколог, в третьем-четвертом поколении социологов люди с естественнонаучным математическим, физическим, инженерным образованием были нередкостью, но в седьмом их будет мало. Теперь в стране существует социологическое образование, и носители его на старте карьеры будут иметь значительные преимущества в сравнении с теми, кто его не имеет; соответственно, они будут фаворитами на рынке труда.

Но у Шамиля есть мощное преимущество над многими его коллегами-ровесниками. Мало кто из них так скажет о поисках себя и своего дела: «Как выяснилось позже, я ошибался, и, на самом деле социология была тем, что я искал. То есть получилось не так, что я однажды проснулся и решил для себя — буду социологом. Наоборот, я нашел сферу, которая мне интересна, а потом уже выяснил, что это социология».

Шамиль уже многое сделал, но у него сохранилось желание учиться, он увлечен своим делом, у него есть амбициозные планы, он по-молодому нетерпелив... мы давно с ним знакомы, и я искренне желаю ему всего доброго.

Фарахутдинов Ш. Ф.: «Мой выбор был зрелым, я все равно встал бы на этот путь»

Шамиль, Вы и родились в Тюмени? Насколько глубоко Вы знаете прошлое Вашей семьи?

Я родился и вырос в Ташкенте 16 октября 1981 года, хотя мои исторические корни почти не имеют отношения к Узбекистану. Мой отец познакомился с матерью будучи студентом Томского политеха, где он учился на физико-математическом факультете. В то время он путешествовал по республикам СССР и его пригласили в Ташкент родственники специально, чтобы он познакомился с мамой. Знакомство удалось и закончилось браком, в результате родился я, а впоследствии еще 3 мои сестры. Две мои сестренки – двойняшки тоже родились в Ташкенте, а самая младшая уже здесь, в России, когда я был студентом первого курса.

Мама по национальности наполовину карачаевка, ее предки с Северного Кавказа. Её матери – моей бабушке пришлось уехать с родины в Киргизию со всей своей семьей. Это произошло в военные годы в результате сталинских репрессий, когда весь карачаевский народ был депортирован в Среднюю Азию. Чуть позже бабушка вышла замуж, после чего они с семьей переехали в Узбекистан, где и обосновались. В молодости бабушка была известна среди карачаевцев своей красотой.

Про дедушку (отца мамы) известно немного. Он умер рано, когда маме было всего 5 или 6 лет. Известно что он отличился на войне, где служил связистом. Недавно мой двоюродный брат через Интернет выяснил что дед проложил очень важную линию связи в ходе какого-то крупного сражения и это сыграло решающую роль в исходе боя. После войны дед закончил консерваторию, играл в филармоническом оркестре народных инструментов на контрабасе, преподавал в ташкентском пединституте на музыкальном факультете.

Мама закончила Ташкентский медицинский институт и всю жизнь, до сих пор, работает врачом-педиатром. Она родилась и выросла в Ташкенте, и до переезда в Россию жила только там. У нее две старшие сестры и один старший брат, все до сих пор живы-здоровы. Мой дядька до сих пор живет в Ташкенте и в последние годы частенько приезжает к нам в гости. Одна из сестер мамы – самая старшая живет с моими родителями в Тюмени, а вторая вернулась на историческую родину – в Кисловодск. Я каждый год после нового года езжу туда, чтобы отдохнуть и проведать тётку.

Со стороны отца ситуация следующая. Мой дедушка был из многодетной семьи в Башкирии (их было около 12 детей), и из-за нехватки денег был вынужден жить в интернате. В Сибирь он приехал со своей сестрой, которую советская власть направила для просвещения коренного населения. Здесь он вырос, получил образование (учитель истории), призвался на войну, женился и в старости умер. На войне дед был танкистом, и, говорят поменял 5 танков – каждый раз получая новый взамен подбитого старого.

Мать отца коренная сибирячка, род которой, по всей видимости, проживает на этой территории со времен золотой орды. Её, единственную, из всех моих родных бабушек и дедушек я помню хорошо, т.к. когда мы переехали в Россию она была жива и прожила до окончания моего обучения в вузе.

У отца — два родных брата и три сестры. Они все родились в деревне Карбаны Ярковского района Тюменской области. Один из братьев умер в 2007 году, остальные живы, дружны, постоянно общаются. Сам мой отец закончил, как я уже упомянул, физмат по специальности физик оптик-спектроскопист. Всю жизнь, за исключением первых 10 лет после переезда из Узбекистана, работал в области радиационной медицины. В Ташкенте это был онкологический диспансер (кстати тот самый, в котором от рака мозга излечился Солженицын), а в Тюмени он работал и продолжает работать в областной больнице. Занимается проверкой медицинских кабинетов, в которых используется оборудование с радиационным излучением (флюорографы, томографы и т.п.).

Это вкратце о моей семье. В свое время у меня было желание покопаться во всех генеалогических делах поглубже, но так и не получилось...

В Россию мы переехали в 1993 году. Сначала это было село Ярково — рай-центр в 108 км от Тюмени. Там я закончил школу и поступил в тюменский вуз. Через три года в этот же вуз поступили мои сестренки, потом к нам приехал отец, который жил с нами, пока мы учились. В итоге вся семья перебралась в Тюмень.

Здесь же хотел уточнить один момент, чтобы было более полное представление о моей семье. Обе мои тетки — сёстры матери в свое время не вышли замуж и всю жизнь прожили одни. Как я уже рассказывал, одна из них — старшая, сейчас живет с родителями, другая, в Кисловодске, тоже одна. Поэтому всю свою любовь они отдавали и сейчас отдают нам — мы всегда для них были как родные дети, соответственно и у нас тоже к ним особое отношение: не как к теткам — а как к матерям.

Шамиль, очень здорово; я постепенно разберусь, это в каком же Вы поколении человек с высшим образованием? В третьем? Очень многонациональная семья — интересно... традиции каких культур в вашей семье так или иначе соблюдаются?

Получается что в третьем, но насколько я знаю, многие из моих предков, были образованными людьми. Возможно это не было высшее образование в том смысле, котором мы его понимаем сейчас — ведь оно сложилось только в советское время. Но каждый раз, когда в Кисловодске мы с теткой приходим в гости к очередным родственникам, мне постоянно рассказывают о тех или иных моих «значимых» предках — религиозных деятелях, известных врачах, просветителях и т.п. Да и тётка не устаёт повторять что у меня со стороны матери «хороший род».

Однажды она водила меня в кисловодский краеведческий музей, где показала мою прабабушку, запечатленную на одной фотографии с Надеждой Крупской во время съезда горянок. В тот день мы пришли в пустой музей и женщина-экскурсовод — тоже карачаевка по национальности — нам рассказала о роли нашей фамилии в истории карачаевского народа. Деталей уже не помню, но я был сильно удивлен. Многое из того что она рассказывала даже моя тётка сама не знала.

Со стороны отца, честно говоря, глубже деда я еще толком не выяснил. Когда я в последний раз ездил к родителям, с целью поговорить об этом, отец был в командировке. Выясню — обязательно напишу.

Относительно многонациональности думаю вот что. Несмотря на то, что и география и народы разные — все мои родичи принадлежат одной группе — тюрки. Карачаевцы, башкиры, узбеки, татары (сибирские и казанские) — близкие родственники, у них очень похожий язык и их судьбы очень тесно переплетаются в истории. Это я говорю не потому что так где-то написано, но по своему опыту.

В традициях нашей семьи в той или иной мере есть элементы всех культур её составляющие. И это сформировалось еще в Ташкенте. Мы не правоверные мусульмане, скорее советские люди, тем не менее родители дяди и тётки знают все основные мусульманские молитвы. Все основные события в жизни человека будь то рождение, брак или смерть сопровождаются традиционными обрядами. Это кстати проявляется и у моих сестер, которые вышли замуж за русских — их мужья крестят своих детей, а сестры считают необходимым делать все возможное, связанное с нашими традициями. Разногласий на этот счет в их семьях не возникает. Кухня у нас по большей части восточная. Музыка слушаем ту, что транслируют по радио и телевидению, хотя иногда специально включаем традиционную. Недавно к нам в Тюмень приезжал ансамбль Хун Хуур Ту (это традиционное тувинское горловое песнопение). Я пошел на их концерт и почувствовал очень мощное ощущение своей близости к востоку, кочевничеству.

Что Вам рассказывали Ваши родственники о депортации, все ли доехали до Киргизии?

Тетка рассказала мне, что во время войны часть карачаевцев присоединились к немцам. Оказывали поддержку, воевали на их стороне. Это очень разозлило Сталина, и он депортировал весь народ. В нашей семье это произошло следующим образом. Моя прабабушка с сыном и дочерью (моей бабушкой) жили втроем в Кисловодске. У них была скотина в селе неподалеку, за которой приглядывали родственники. Однажды мать с сыном поехали на сенокос, чтобы помочь в содержании своей скотины, а 16-ти летняя дочь осталась одна дома. В это время приехал грузовик с людьми, которые сообщили о депортации и дали на сборы семь часов. Бабушка собрала самое ценное и ее вместе с вещами увезли на вокзал и посадили в товарняк. Прабабушку с дедом забрали с сенокоса прям в рабочей одежде, в которой они работали.

Условия были не лучшие, было холодно, правда голода в дороге, говорят, не было. На станциях людям давали возможность выйти, отдохнуть, набрать воды, снабжали продуктами. Поезд ехал около 3-х недель. За это время некоторые умерли — в основном старики и больные. Моих ближайших родственников несчастье во время депортации не коснулось. Суровые условия встретили народ уже в Киргизии. Там многие погибали от голода, в основном это коснулось многодетных семей. Брат моей бабушки был предприимчивым человеком, находил работу, кормил семью, улучшил жилищные условия. Так и прожили до тех пор, пока моя бабушка не вышла замуж и уехала в Ташкент. Чуть позже, карачаевцам была объявлена реабилитация и прабабушка с сыном вернулись в Кисловодск, а бабушка так и осталась в Ташкенте.

Многие из карачаевцев, воевавшие на стороне немцев, ушли вместе с ними в Германию, часть оттуда эмигрировали в Америку. Говорят там до сих пор сильны карачаевские диаспоры. Участников этих событий уже нет в живых, но их предки сейчас приезжают на Кавказ, ищут своих родственников, налаживают связи.

Я Вас так давно знаю, что мне казалось, Вы постарше... как шло учение в школе? Какие предметы Вам нравились более других? Что читали подростки в те годы? Вы уже не застали ни пионерии, ни комсомола, но какие-либо формы общественной работы сохранялись?

Так получилось что я научился читать очень рано. В 2,5 года мама показала мне буквы, а в три я уже свободно читал. Поэтому все мое детство прошло в «обнимку» с книгами. В раннем детстве я очень любил народные сказки, особенно восточные: Ходжа Насреддин и Алдар Косе были моими главными героями. Очень любил Легенды и мифы древней Греции. Чуть позже я переключился на приключенческую литературу: несколько раз перечитывал Робинзона Крузо, приключения Тома Сойера, Шерлока Холмса. С удовольствием читал советские детские книги типа: «Баранкин будь человеком», все части «Незнайки» Н. Носова, «Три толстяка» и т.п. Потом дело дошло до научной фантастики — Айзек Азимов, Герберт Уэлс, Братья Стругацкие... В старших классах взялся за естественнонаучную литературу — помню большое впечатление на меня произвела работа Мечникова «Этюды оптимизма» — я и сейчас привожу студентам этот труд как пример безупречной методологической работы. Долго размышлял над идеями Л. Н. Гумилева. Книг в доме хватало, так что без дела не сидел.

Потом увлекся гуманитарной литературой. После прочтения всего Дейла Карнеги взялся за З. Фрейда, К. Юнга, Ч. Ломброзо, О. Вейнингера. Наверное на этом этапе у меня сформировалось призвание в изучении людей, общества. Русскую классику я как-то в юности пропустил, и перечитал ее уже в студенческие годы. На младших курсах института я увлекался парапсихологией. Прочитал все на что хватило терпения и понимания. После окончания вуза уже приходилось читать не исходя из потребности, а в силу необходимости. Тем не менее не скажу что это не доставляло мне удовольствия от чтения. Сейчас по большей части слушаю аудиокниги, в основном, когда нахожусь в дороге. Читаю только то, что необходимо для работы и научной деятельности.

В школе я учился плохо. Не знаю как уж так получилось, но мне было не интересно. Из предметов любил биологию, а в старших классах, когда в процессе подготовки к поступлению в вуз возникла необходимость — как следует разобрался в химии и полюбил её. Когда уезжали из Ташкента, оценки у меня были — хуже некуда. По нескольким предметам учителя мне поставили итоговые тройки, только потому что мама попросила, сказав, что мы переезжаем в Россию. Здесь уже пришлось подтянуться, но все равно в итоговом аттестате у меня было пять троек. Возможно на плохую учебу повлияло также то, что я очень любил гулять на улице с пацанами. Наверное чтение и любознательность в какой-то мере мне компенсировали плохую учебу.

Пионером я успел побыть год или два. Но сильного идеологического воздействия, по всей видимости, данный факт на меня не возымел. Тем не менее, процесс социализации в детстве я прошел в полной мере, поскольку родители

почти каждое лето отправляли меня в пионерские лагеря, где я активно участвовал во всех мероприятиях. Кроме, сколько себя помню, в детстве я постоянно посещал какие-нибудь кружки или спортивные секции: выжигание по дереву, юный натуралист, юный техник, борьба, скалолазание и т. д. То же самое и в студенческие годы. Посещал спортивные секции, участвовал в дебюте первокурсника, студенческих вёснах... Вообще, если говорить об общественной деятельности, то мне скорее это нравится чем нет.

У Вас было много различных интересов, профессиональный выбор сделали еще в школе или прошли армию?

В армию мне не удалось сходить, т.к. сразу после вуза поступил в аспирантуру и защитился досрочно. Кандидатов наук в армию не берут. Несмотря на плохую учебу в школе, я окончил Тюменскую государственную сельскохозяйственную академию с красным дипломом. Не сказать, что мне было интересно (я учился на факультете рационального природопользования и прикладной экологии), просто раз уж хорошо знал биологию и при подготовке к поступлению выучил весь курс химии, дальше, по инерции, проблем с учебой у меня не было, ведь вся сельскохозяйственная наука строится вокруг этих двух предметов. Единственной своей заслугой в учебе считаю то, что я практически не пропускал занятия. В любом состоянии, после всех студенческих гулянок, я всегда ездил на пары.

Профессиональный выбор я сделал в институте. Причем получилась интересная история. Я уже рассказывал, что увлекался психологией, социологией и другими гуманитарными науками во время учебы. Так вот, когда пришло время выбирать место прохождения преддипломной практики и тему выпускной работы, я попросил своего руководителя разрешить мне самостоятельно выбрать направление и разработать его. В итоге я все лето просидел в библиотеке, изучая методологию и методы социологического исследования, классиков социологии. В результате составил анкету, по которой собирался опросить работников сельскохозяйственной отрасли и выявить степень сформированности у них экологического сознания. Я считал, что прежде чем вводить экологические технологии в производство с/х продукции – а этому нас как раз и учили, в отличие от агрономов, необходимо формировать экологическое сознание у рядовых работников отрасли.

Опросить по этой анкете мне так никого и не удалось, потому что осенью, когда пришло время защищать перед кафедрой отчеты по пройденной практике, меня сильно раскритиковали, сказав, что я занимаюсь не тем, чем нужно. В результате мне поставили единственную четверку в моем дипломе, мне пришлось сменить тему и проводить опыты на экспериментальном поле нашей сельхозакадемии.

В 2003 году после успешной защиты выпускной работы три или четыре кафедры приглашали меня в аспирантуру, но я отказался, решив либо идти в армию, либо заниматься тем, чем мне было интересно. Так я сделал свой профессиональный выбор и оказался в ТГУ у Веры Владимировны Гаврилюк, которая в меня поверила, за что до сих пор ей очень благодарен.

Чем бы Вы объяснили возникновение у Вас интереса именно к социологии? Вам читали что-либо по этому предмету, какая-либо социологическая книга случайно попала к Вам в руки? Какие книги Вы читали в то «запойное» лето?

По правде говоря, перед тем как зайти к Вере Владимировне, я наведалься на факультет психологии, где мне сообщили, что для поступления в их аспирантуру необходимо иметь либо медицинское, либо психологическое образование. То есть я со своим образованием в «калашный ряд» никак подходил. В любом случае у меня было желание работать не с личностью, а с социальными группами. Тогда я еще не сильно разбирался в тонкостях предмета разных гуманитарных дисциплин и «социальная психология» — сфера деятельности, которой занимаются психологи, мне казалась тем, чем надо для изучения экологического сознания. Как выяснилось позже, я ошибался, и, на самом деле социология была тем, что я искал. То есть получилось не так, что я однажды проснулся и решил для себя — буду социологом. Наоборот, я нашел сферу, которая мне интересна, а потом уже выяснил, что это социология.

По поводу того, как я к этому пришел. Не думаю, что какая-то особенная книга послужила толчком. Кажется, это началось в старших классах и усилилось на младших курсах вуза. В школе я подготовил фундамент, начитавшись вышеупомянутой литературы, а в институте пропустил все, что накопилось в подсознании через призму естественных наук. Я искал аналоги природных (экологических) процессов в общественных явлениях (некоторые из идей, зародившихся в то время, до сих пор сидят у меня в голове), пытался для себя развивать идеи Гумилева о влиянии природных явлений и феноменов на поведение различных социальных групп. Но постепенно от этого отошел, посчитав что у меня еще не накоплено достаточно эмпирических знаний и опыта, чтобы осуществлять такого уровня теоретизирования. В итоге и было принято решение заниматься изучением общества.

Возможно, то, что я только что сформулировал, не полностью соответствует действительности. Возможно, мне сейчас только кажется, что решение было принято именно так. По правде говоря, трудно сказать, когда именно и как я решил заниматься социологией. Не исключаю влияния каких-то мелких случайных факторов или удачного стечения обстоятельств, но в целом считаю что мой выбор был зрелым, и даже если бы в жизни была другая ситуация, я все равно бы встал на этот путь.

В то лето я действительно интенсивно работал в тюменской областной научной библиотеке. Возможно это было не свойственно моему возрасту, характеру, особенно в условиях хорошей компании, свободных месяцев и хорошей погоды, но это правда. Наверное, многие из тех, кто заслушивал мой отчет по практике на кафедре, решили, что я нашел хитрый способ избежать участи остальных студентов — провести все лето в каком-нибудь колхозе, но это не так. Я действительно изучал все что было связано с планируемым мной исследованием.

В первую очередь я ознакомился с литературой по методологии и методам социологических исследований. Читал Ядова, Батыгина, Белановского, Татарову, Толстову, Девятко и др. Далее я нашел и полистал учебники по социальной экологии, выделил в них то что посчитал нужным, и стал изучать дальше. Это доклады Римского клуба, концепция устойчивого развития, теория коэволюции Н. Н. Моисеева, теория ноосферы В. И. Вернадского. Добрался до

русского космизма, но глубоко вникать не стал. С удовольствием познакомился с Г. Спенсером, а от него перешел к классикам социологии: М. Веберу, Т. Парсонсу. В итоге я познакомился с социологией, а также составил программу исследования с инструментариумом, судьба которых Вам уже известна.

Я понимаю, что Вы встретились с В. В. Гаврилюк, переговоры, успешно прошли вступительные экзамены и были зачислены в аспирантуру. Вы сразу нашли тему, по которой решили делать диссертацию, или необходимо было время, потребовался анализ различных проблемных областей? Как шла работа над диссертацией?

Тему мне не пришлось придумывать. Забегая вперед могу сказать что я защитился по теме «Институциональные основы формирования экологической грамотности». То есть фактически я закончил то, что начал в «запойное» лето. Конечно, было другое исследование — поменялись предмет и объект, но в целом свои научные интересы я удовлетворил.

Могу добавить, что успешному завершению работы способствовали два важных обстоятельства. Во-первых, с первых дней аспирантуры я начал преподавательскую деятельность, причем преподавал социальную экологию. Я хорошо разобрался в теме, познакомился и пообщался с Данило Марковичем — известным сербским социальным экологом, который был приглашен в Тюмень на какую-то конференцию.

Во-вторых, в то время Вера Владимировна работала над грантом РФФИ — «Функциональная неграмотность в условиях перехода к информационному обществу», и моя тема очень хорошо вписывалась в этот проект. Экологическую неграмотность мы рассматривали как один из аспектов общей функциональной неграмотности человека и блок вопросов для моей работы был включен в общую анкету.

Исследования я проводил с удовольствием. Наряду с работой над грантом я несколько раз ездил в Москву, где брал интервью у представителей общественных экологических организаций, экологически ориентированных деятелей, политиков, ученых. Работал в крупнейших российских библиотеках. Добрался до Государственной Думы, где пообщался с С. Н. Глазачевым, пытался поговорить с С. А. Тангяном — представителем нашей страны в ЮНЕСКО, но его в тот момент не было в стране и мне, по рекомендации его секретаря, пришлось встретиться с кем-то из его заместителей. Побывал на телевидении, где выпросил запись телепередачи посвященной функциональной неграмотности. Объездил ряд вузов и академических структур, пытаюсь встретиться со всеми, кто имел какое-то отношение к теме моего исследования.

После периода накопления материала и «созревания» я быстро оформил диссертацию — буквально за три недели написал текст, два раза обсудился на кафедре и защитился без чёрных шаров.

Значительную часть 1980-х я участвовал в советско-венгерском исследовании экологического сознания, так что понимаю важность и остроту экологической тематики. Вы рассказали внешнюю часть Вашей работы (объем проделанной работы), теперь, пожалуйста, подробнее о содержании Вашего исследования. В чем Вы видели проблему поиска, какова была методология Вашего исследования, к каким выводам Вы пришли?

В общем, идея была такая. В своей работе я попытался определить структуру экологической грамотности, представив её в виде «ядра» и «оболочки». «Ядро» – инертно и формируется базовыми институтами в процессе социализации – это семья, система образования, в какой-то мере религия. У разных обществ формы и содержание ядра различаются, в зависимости от окружающих природных условий, наличия природных ресурсов, их истории. Отдельные проявления базовых экологических знаний находят свое отражение в фольклоре народов, сложившихся традициях.

«Оболочка» более динамична, связана с текущей экологической ситуацией в месте дислокации сообщества и содержит знания об изменениях в окружающей среде в определенное время и в определенном месте. Содержание этого элемента со временем устаревает и во многом зависит от личной экологической активности индивидов, составляющих сообщество. «Ядро» и «оболочка» постоянно испытывают взаимное влияние и вообще, их следует рассматривать неразрывно. Графически это можно было бы представить в виде совокупности точек, плотность которых ближе к центру возрастает. «Оболочка» формируется под воздействием таких социальных институтов как: СМИ, институты гражданского общества (экологические организации), государство (имеется ввиду правовая система).

Построив такую концепцию, я стал рассматривать, как же все вышеназванные институты влияют на экологическую грамотность в современном российском обществе. Изучил систему экологического образования в нашей стране, сравнил ее с зарубежными. Рассмотрел, как осуществляется экологическое воспитание в современной российской семье, сравнил с воспитанием в традиционных культурах (кажется приводил пример с северными народами). Посмотрел, как освещают экологическую тематику наши СМИ. Изучил деятельность (в т.ч. просветительскую) общественных организаций. Сделал акцент на общественной экологической экспертизе. Провел обзор российской нормативно-правовой базы, связанной с экологией.

В итоге пришел к неутешительному выводу, что в современной России социальные институты не способны в полной мере сформировать экологически грамотную и ответственную личность и в этом направлении необходимо работать. Все вышесказанное – костяк, который, естественно, сопровождался данными эмпирических исследований, ссылкой на авторов, разбором терминов и понятий и т. п.

Идея конечно незамысловатая, но свою функцию эта работа, прежде всего как квалификационная, для меня выполнила.

Можно понять, что Вы защитили кандидатскую диссертацию в 2006 году. Так? Не было ли у Вас желания уйти из науки и заняться практической или организационной работой в области защиты окружающей среды? Тюменский Север дает множество поводов для этого? Или решили остаться в науке?

Именно так. Весной 2006 года прошла моя защита. В это время мы с Верой Владимировной и еще несколькими преподавателями уже перешли в нефтегазовый университет.

О практической деятельности я даже и не думал. Вкусив свободный график работы, почувствовав возможность творческой самореализации, личностного и научного роста, общения с интересными людьми, меня уже никакими «пряниками» невозможно было загнать в офис. Особенно на Север.

Переезд в Сибирь из Узбекистана сам по себе был для меня небольшой психологической травмой в географическом плане. Беднота природы, слишком длинные дни непродолжительного лета и короткие зимние дни, морозы, резкие перепады температуры, отсутствие ароматных фруктов, летние комары и мошки, все это неполный перечень того, к чему мне пришлось довольно долго привыкать. А когда я съездил в гости к двоюродному брату (сын сестры отца) в Ноябрьск, я сделал для себя вывод, что Север это не для меня — там все что я описал, было представлено трёхкратно. Со временем, правда, стал относиться к этим вещам спокойнее, но мне по-прежнему туда не хочется. Не хотелось и после окончания аспирантуры. Сейчас на Север все равно приходится иногда ездить. Периодически там появляются какие-нибудь проекты, но каждый раз возвращаясь оттуда я вздыхаю с облегчением.

Кстати, относительно недавно, буквально пару месяцев назад, было предложение устроиться на должность социолога в департамент внутренней политики ЯНАО (Салехард) за хорошую зарплату и жилье, но я не проявил к нему интереса. И вообще, я для себя давно решил, что качество жизни не пропорционально количеству зарабатываемых денег. А иногда наоборот, большие деньги приносят лишние проблемы. Кроме того Тюмень сам по себе комфортный город для проживания и дает возможность для заработка.

Про экологию как рабочую специальность я забыл сразу после поступления в аспирантуру. Были мысли преподавать её, чтобы не растерять, но и от этого тоже отказался. Зачем искать замену тому, что даёт все, что тебе нужно? В то же время я не категоричен. Если резко изменятся условия, возможно, что придется сменить вид деятельности. Но это должны быть очень сильные перемены.

Итак, Вам 25 лет. Получено образование, защищена кандидатская диссертация, есть дело, которое Вам нравится... 2006 год, пришла некая общественная стабильность, можно было подумать о перспективах, хотя бы на несколько лет вперед. Не думали ли немного поучиться в Москве или за границей? Какие предметные области стали Вас интересовать?

Естественно, стать социологом только в результате написания диссертации невозможно. Мне постоянно приходилось и приходится учиться.

В конце 2006 года я прошел небольшую стажировку в ФОМе. Несколько дней я приезжал в Фонд и знакомился с работой каждого из отделов. Тогда я познакомился с А. Б. Чуриковым, специалистом по расчетам выборок, с которым впоследствии мне приходилось неоднократно пересекаться на конференциях и других обучающих курсах. Помню, что как раз в период моей стажировки умер Ю. Левада, и руководители ФОМа ездили прощаться с ним. Тогда я еще плохо знал, что это был за человек, и когда я уже вернулся в Тюмень и узнал о нём получше, понял, какую утрату понесла российская социология.

В 2008 году было два мероприятия, которые существенно углубили мои профессиональные знания, интегрировали меня в социологическое сообщество. Сначала — весной, я учился в ИС РАН на курсах «Возможности программы

SPSS для анализа социологической информации», организованных Центром социологического и политологического образования С. Е. Кухтерина. Это была очень интенсивная и тяжелая, но интересная учеба. 18 дней с утра до вечера мы работали в компьютерном классе, а вечером делали домашние задания. Я и все мои однокурсники со всей России жили в ДАС (дом аспиранта и стажера), где мы познакомились, подружились и с некоторыми общаемся до сих пор. Я жил в одной комнате с Бушуевым Алексеем – парнем из Казани. Позже мы с ним вместе написали учебник по SPSS.

Потом была недельная летняя школа «Статистика без слез: регрессионное моделирование с использованием пакета NESSTAR». Мы жили в живописном пригороде Подмосковья на базе отдыха. На эти курсы приехали некоторые ребята из курсов по SPSS, где мы общались уже как старые добрые друзья. Сама по себе школа была не сложная, но дала очень мощный позитивный социологический заряд.

Таким образом в 2008 году я познакомился со многими людьми, не только моими молодыми коллегами, но и российскими учеными методологами. Так, у нас преподавали или были приглашенными гостями И. Ф. Девятко, Ю. Н. Толстова, Г. Г. Татарова, Г. Л. Воронин, М. Ф. Черныш, А. Б. Чуриков и многие другие.

Летом 2010 году я на протяжении месяца проходил стажировку во ВЦИОМе. Там я работал над проектом «Способность политической системы реагировать на общественные ожидания и опасения в условиях преодоления кризиса». Это была командировка в рамках моего обучения в докторантуре. В принципе, большого впечатления это событие на меня не произвело, поскольку я уже хорошо знал как работают «фабрики» общественного мнения. Было больше рутины. Положительным моментом здесь считаю знакомство с «детальями» полстерской работы.

Первый зарубежный опыт я получил в том же 2010 году, когда в составе делегации нашего университета поехал в Китай для налаживания контактов с китайскими университетами нефтегазовой сферы. Там я познакомился с девушкой из Казахстана, которая училась на какой-то из гуманитарных специальностей. Встреча с ней у нас была запланирована программой. В свое время она выиграла грант президента на обучение в Пекинском университете и к моменту нашей поездки обучалась на последнем курсе. Она рассказала мне много интересного про учебу в Китае, дала контакты своей подруги, которая училась на специальности «Социальная работа». К сожалению многого узнать мне у них не удалось, т.к. были проблемы со связью (у них тогда был заблокирован доступ к mail.ru). У меня до сих пор остался неудовлетворенный интерес к китайской социологии (в первую очередь методологии), поскольку информации о ней в открытых источниках мало, а языковой барьер мешает познакомиться с их литературой. По правде говоря, интерес к Китаю в целом у меня был всегда, и я надеюсь, что когда-нибудь удастся посотрудничать с китайскими коллегами.

В 2011 году в рамках федерального гранта развития инновационной инфраструктуры, который выиграл наш Нефтегазовый университет, была создана лаборатория изучения общественного мнения, которой я заведу и сейчас. За счет средств этого гранта я на пять недель ездил в Англию, где учился в BBSI (Bournemouth Business School International). Предполагалось что стажировка

позволит знакомиться с передовыми европейскими технологиями в области изучения общественного мнения, но мой языковой уровень, оставлял желать лучшего и не позволил мне с ходу взяться за англоязычную исследовательскую практику. Большую часть учебы я ходил на General English, и только в последнюю неделю посетил несколько уроков Marketing & Business skills. Тем не менее, именно эти курсы стимулировали меня к изучению английского языка, и следующие пару лет я посещал интенсивные языковые курсы.

Сейчас этот процесс приостановился, т.к. не хватает времени. Английский язык для меня как зубная боль. Я никак не могу взяться и основательно его освоить, чтобы свободно общаться на профессиональные темы с носителями языка, но в то же время кое-какой уровень у меня есть, и изъясниться с теми, для кого английский не родной я смогу. Периодически я обдумываю вариант получения второго высшего образования по английскому – чтобы некуда было деваться и пришлось выучить всю грамматику и лексику, отложив все дела. Но пока видимо не созрел. Наверное не хватает какой-то сверхмотивации, может совместного проекта или перспективы длительного обучения за рубежом.

В 2012 году была поездка с Верой Владимировной в Индию на социологический конгресс. Выступить там не удалось, хотя я основательно подготовился и практически выучил свой доклад. Зато почувствовал непередаваемую атмосферу международного обсуждения актуальных проблем, увидел «ниточки», связывающие людей одной профессии из разных стран мира.

За 10 лет моей работы в социологии были и другие курсы и стажировки, конференции, встречи с интересными людьми и все это я считаю моей учёбой. Но самая главная моя учёба – это проекты, над которыми приходится работать. Не знаю, хорошо это или плохо, но я считаю себя «социологом широкого профиля». Мне приходилось и приходится работать с самыми разнообразными исследованиями в самых различных сферах с применением практически всех методов получения и анализа эмпирических данных. Это и федеральные и региональные гранты, исследования для внутренних нужд университета, маркетинговые проекты, исследования для органов власти, консультирование небольших компаний, методологическая помощь людям, работающим над диссертациями, инициативные проекты и др. Конечно же, без постоянного поиска, самообразования, осуществление такой деятельности невозможно. Информации из открытых источников бывает недостаточно, поэтому периодически приходится искать людей, звонить, консультироваться. Обнаруживаются целые пласты, доселе не тронутые мной, но которые жизненно необходимо освоить: это математика, статистика, все что связано с выборкой, история социологии, иногда практика доводит до философии...

Обобщая, хочу сказать, что процесс обучения не останавливается. Если же говорить о том, чтобы специально выехать куда-нибудь на продолжительную учебу – то я не против, и если подвернется случай, то обязательно постараюсь им воспользоваться.

Теперь об интересующих меня областях. Как Вы уже, наверное, заметили, я отошел от социальной экологии и перешел к эмпирической социологии как предметной области. Обдумывая свой опыт, систематизируя и обобщая его я пришел к тому, что мне хотелось бы называть себя методологом. Мне стали интересны не сами результаты исследований, а то, как их можно получить

с минимальным искажением. Захотелось искать «изящные» способы решения конкретных сложных социологических задач. Я стал критически подходить к отдельным методам, описанным в учебниках, появилось желание дискутировать с авторами отдельных исследований. Считаю, что к каждому исследованию нужно относиться творчески, подходить ситуационно, где-то модифицируя существующие методы, а не прикладывать устоявшиеся «лекала» ко всем исследованиям. И возможно у меня еще не было возможности изложить все свои мысли в публикациях, но я думаю, что буду двигаться именно в этом направлении.

Другой темой, которая меня интересует, и которая неразрывно связана с предыдущей, является анализ общих процессов, происходящих в отечественной социологии. Это развитие муниципальной социологии, взаимодействие региональных исследовательских компаний (например в форме Ассоциации 789, проектов Циркона), тенденции переноса «центра тяжести» исследований в Интернет. Я с удовольствием посещаю ежегодную Грушинскую конференцию где эти все вещи обсуждаются. Надеюсь, что моя следующая диссертация будет посвящена этим вещам.

Еще несколько слов хотелось бы сказать о своей преподавательской деятельности. Уже лет 5 я преподаю дисциплины методологического характера: это «МИМСИ», «Анализ данных в социологии», «Социологические проблемы изучения общественного мнения». Это также заставляет меня учиться, чтобы грамотно транслировать свой опыт студентам. И возможно я иногда «грешу», отходя от учебного плана в преподавании этих дисциплин, но считаю, что даю ребятам больше чем те преподаватели, которые преподносят студентам «не свои» знания. В ближайшее время мне бы хотелось написать серию учебников или учебных пособий по указанным дисциплинам со своим видением организации проведения исследований.

Да, очень многообразное обучение, уверен, все принесет плоды. Очень важно входить в науку со своим поколением, зная его.

Вы сказали «перешел к эмпирической социологии», мне кажется, что сейчас чаще говорят о «прикладной социологии»; или это лишь разные названия одного и того же?

Уверен что это не так, но увидев этот Ваш вопрос, у меня рука сразу потянулась к поисковику, чтобы уточнить понятия. Сознательно не стал этого делать, решил сформулировать сам. Понятие эмпирическая социология, на мой взгляд, шире. Прикладная – та, что решает конкретные задачи. Эмпирическая же гармонично вливается в теоретическую, а вместе они – единое целое. В рамках эмпирической социологии возможна саморефлексия, саморазвитие. Грубо говоря, представитель прикладной социологии – практик, работника, штатный социолог в организации. Представитель эмпирической – исследователь, методолог.

Меня всегда интересовали и продолжают интересовать методы, потому, пожалуйста, прокомментируйте фразу: «Я стал критически подходить к отдельным методам, описанным в учебниках, появилось желание...». Приведите один пример.

Конкретные методы я сейчас трогать не буду, но пример приведу. Тема избита, но она фундаментальна, и от того как ее преподнести студентам, зависит дальнейшее восприятие ими многих вещей. В учебниках обычно есть разделы:

количественные методы и качественные методы. Хорошо если так, а то иной раз можно встретить и разные учебники. Конечно, авторы оговариваются, что одни методы должны дополнять другие и среди них нет «главных». Однако само их разделение, на мой взгляд, уже есть большая методологическая ошибка.

На первом же занятии по МИМСИ я студентам говорю, что всю совокупность методов можно представить в виде отрезка на одном конце которого находится «Идеальный количественный метод», на другом «Идеальный качественный». Ни того ни другого в чистом виде в природе не существует. Мы выделяем их только для того чтобы иметь возможность на что-то опираться при классификации. Эту идею я, кстати, взял у Отто Вейнингера, когда он рассуждал о поле и характере.

Почему не существует «Идеального количественного»? Да потому что практически нет анкет, в которых отсутствует открытый вариант «другое», а это уже качественная информация. Даже если в анкете нет такого варианта, в процессе анализа и описания результатов исследователь неизбежно вносит свои смыслы, т.к. не может быть абсолютно объективным. Еще есть вариант «затрудняюсь ответить», который содержит в себе массу скрытых смыслов, оставленных респондентами.

Почему не существует «Идеального качественного»? Потому что каким бы «качественным» не было исследование, мы обязательно используем логические приемы для его интерпретации: сравнение, обобщение, анализ, синтез... А это оперирование долями, частями — то есть количественными категориями.

Таким образом, каждый метод мы можем охарактеризовать как некую совокупность количественного и качественного в различных пропорциях. Один и тот же метод в разных исследованиях может менять свой характер. Например экспертный опрос: он может быть качественным, может быть количественным, а может находиться ровно посередине.

Студентам на практических занятиях я предлагаю численно оценить доли качественного и количественного в разных методах. Например: анкетный опрос: 95% (колич.) : 5% (кач.) и т.п.

Относительно конкретных методов, раз уж начал, тоже могу сказать несколько слов. Как правило, все методы всегда рассматриваются отдельно от выборки. Этого делать, на мой взгляд, нельзя, т.к. у людей не формируется понимание, для чего нужна выборка в результате все и всегда, вплоть до докторантов, пытаются применить какие-нибудь формулы для того, чтобы обосновать ее репрезентативность. Нет привязки к цели и задачам исследования, к специфике изучаемой социальной группы, или иному объекту исследования, если речь идет о работе с контентом. Есть множество других моментов, которые периодически вызывают у меня возмущение, но сейчас деталей уже не помню.

Ваша точка зрения понятна, спасибо. Теперь — еще один вопрос на уточнение. Чем занимается руководимая Вами лаборатория изучения общественного мнения? Какие методы сбора информации Вы используете? Кто является Вашим основным заказчиком, в какой мере он учитывает результаты Ваших исследований?

В настоящее время для меня это довольно болезненный вопрос. Инициатором создания лаборатории в 2011 году выступила Вера Владимировна. Она же ходатайствовала о назначении меня заведующим. В университете в то

время были средства на развитие инновационной инфраструктуры — грант, о котором я уже упомянул. Нам выделили помещение, закупили мебель и технику (компьютеры, диктофоны, видеокамеру и т.д.). Основной целью лаборатории, как и множества других созданных в университете структур является «диверсификация» заработков университета, увеличение финансового вклада от научной составляющей. Была обещана административная поддержка руководства по привлечению заказчиков.

К сожалению много денег заработать не получилось. Самостоятельно найти постоянных заказчиков не удалось, а конкурировать на рынке социологических услуг в Тюменской области от университета оказалось затруднительно в силу многих причин. Одна из них — «неповоротливость» вуза. Я имею ввиду отсутствие самостоятельности при принятии решения участвовать в том или ином конкурсе, устанавливать в торгах ту цену и сроки, которые я посчитаю нужной (в России все потребности государственных органов удовлетворяются только через конкурсы или торги). Все мои решения приходится согласовывать с различными университетскими структурами: юристами, планово-финансовым управлением, бухгалтерией... В условиях жесткой конкуренции на рынке в таких условиях работать очень сложно. Административной поддержки тоже не было.

В то же время, наверное, было бы несправедливо всю вину перекладывать на университет, в конце концов, все условия для функционирования лаборатории созданы. Есть и мои недоработки. Возможно, не всегда удавалось повлиять на руководство, уговорить их представить наши интересы в крупных региональных нефтегазовых компаниях. Можно было бы усилить образовательный аспект, хотя мне это не очень интересно.

В общем, сейчас существование лаборатории под вопросом, и я пытаюсь её сохранить. Предлагаю руководству проводить все внутренние исследования, необходимые для обеспечения качества образовательного и воспитательного процесса (это опросы студентов, преподавателей, работодателей) в лаборатории в зачет плана. Предлагаю маркетинговые исследования для университета, например изучать школьников старших классов и их родителей — как потенциальных абитуриентов (потребителей услуг вуза). Сейчас эти исследования проводят внутренние структуры, причем не всегда на соответствующем уровне. Переговоры по сохранению лаборатории ведутся, каков будет результат — пока не известно.

Чем мы занимались и занимаемся. Сразу хочу сказать, что мы с товарищем в 2007 году открыли свою фирму «Центр изучения региональных процессов» и часть плановых заданий лаборатории выполняли за счет договоров субподряда от нашего Центра. Также несколько конкурсов удалось выиграть и от университета. Это в основном исследования для принятия управленческих решений различными областными департаментами и комитетами. Были и внутриуниверситетские исследования, федеральные гранты, электоральные исследования для кандидатов в депутаты. Несколько раз проводили поле в регионе для столичных компаний. По завершению организованных нашим вузом олимпиад и конференций опрашивали участников. Брали на практику студентов.

Методы, в основном использовали те, что прописывались в технических заданиях, а они особым разнообразием не отличаются: массовые и экспертные опросы, фокус-группы, реже контент-анализ. Думаю что ни одно наше исследование не прошло в «пустую» и в той или иной мере учитывалось теми, кем было заказано.

Выше Вы отметили, что в 2010 году в рамках обучения в докторантуре Вы участвовали в одном из проектов ВЦИОМ. Вы проходили (или проходите) докторантуру в Москве? При каком университете? По какой теме? Кто Ваш консультант?

Я состоял в докторантуре нашего нефтегазового университета. Формально докторантура у меня закончилась, но я продолжаю работать, т.е. «созревать» для докторской диссертации. Общаюсь с экспертами, коллегами. Когда я туда поступил, мне было 28 лет, закончил – 31. То есть то, что она окончилась у меня без защиты, и даже без полного текста работы меня ничуть не смущает, т.к. считаю что для меня было бы тяжело в моем возрасте «носить» ученую степень доктора наук. На мой взгляд, это не только высокий статус, но и большая ответственность. Мне кажется, что доктор в большей степени должен быть мудрым, а не только эрудированным.

Тем не менее сам факт обучения в последней считаю не напрасным. Пребывание в докторантуре подразумевает определенные «поблажки» в виде наличия некоторого количества дополнительного свободного времени, большей возможности по сравнению с другими коллегами ездить в командировки. Этим я, насколько мог, пользовался.

Консультантом моей работы выступает Вера Владимировна. Она меня в этом вопросе особо не торопит, но периодически напоминает о необходимости не только «созревать», но и выдавать какие-то конкретные результаты.

Рабочая тема моей работы изначально звучала как: «Становление и развитие (института) общественного мнения в современной России». Но сейчас я склоняюсь, что лучше говорить не об общественном мнении, а об эмпирической социологии, поскольку общественное мнение существует независимо от исследователя и вообще, это очень динамичная и трудноуловимая «субстанция». Проще, наверное, рассказать, что именно я хотел бы исследовать и описать в своей работе.

В первую очередь это история. Под современной эмпирической социологией я подразумеваю постсоветский период. Мне интересны предпосылки того, как сформировалось текущее положение дел: организации, отдельные исследователи, заказчики и их потребности, условия работы социологов. Конечно же методы: как проводились исследования, осуществлялись обработка и анализ данных. Интересно также соотношение количества и качества информации, полученной советскими учёными.

Второе – то, что имеем сейчас. Хотелось бы провести классификацию всех типов исследователей, применяемых методов и методологических подходов, рассмотреть сферы применения социологической информации. Я думаю что здесь будет много интересного: социологические ассоциации и объединения, в том числе региональные, развитие общедоступных архивов и баз данных социологической информации, ситуация в вузовской, академической, прикладной социоло-

логии. Также необходимо обратить внимание на социологическое образование (все уровни), тенденции формирования так называемой «муниципальной социологии», особенности функционирования «фабрик» по изучению общественного мнения, площадки для обсуждения социологических проблем, социологическую периодическую литературу.

Основным результатом работы станет оценка текущей ситуации и поиск вариантов дальнейшего направления движения.

А Вы не пробовали под тем или иным углом зрения в свете Ваших гипотез проанализировать мои интервью? Все же огромная коллекция.. социологи всех возрастов, работавшие по самым разным темам...

Честно говоря, пока еще не пробовал, но не потому что в принципе не рассматривал такую возможность, но потому что еще не добрался. Я уже давно думаю о Ваших интервью, читал некоторые их, оценил колоссальный объем проделанной работы и полученной информации. Могу без всякого лукавства сказать, что Ваши труды лягут в основу многих аспектов моей диссертации.

Для работы с Вашими интервью необходима система. Я собираюсь подойти к ним как к первичному материалу, то есть мне для анализа надо будет написать отдельную программу исследования, где объектом выступят биографии. Думаю, что буду использовать контент-анализ. Нужно будет определить семантические единицы, единицы счета. Предварительно нужно будет выработать какую-то хронологическую систему: определить реперные точки и т.д. и т. п.

Да, расскажите. О необычных исследованиях, о ваших авторитетах, о сильных впечатлениях, связанных с научной деятельностью, о вашем образе жизни, тем более – о преподавательской деятельности...

О необычных исследованиях и сильных впечатлениях.

Здесь я бы хотел рассказать об исследовании, которое мне довелось провести в прошлом году. Это был заказ от Научного центра изучения Арктики, который находится в Салехарде. Данный проект моя организация выиграла в государственных торгах.

Несколько слов о заказчике. Основная их деятельность направлена на изучение экономических, социальных и этнокультурных процессов в Ямало-Ненецком автономном округе и на сопредельных территориях. Тема звучала следующим образом: «Современные этнокультуры Ямала: зоны риска и стратегии адаптации». Заказчиком предполагалось, что исследование будет носить этнологический характер и они, мягко говоря, не ожидали, что за проект возьмутся социологи. Таким образом, я влез в «чужой монастырь со своими методами».

У меня уже был кое-какой опыт исследований связанный с этническими и конфессиональными проблемами. Мы с Н. Г. Хайруллиной выполняли несколько проектов, в том числе, по коренным народам Севера, тюменским татарам (по результатам вышла монография), изучали религиозную и межнациональную ситуацию для Департамента по делам национальностей. Но здесь ситуация несколько отличалась. Нужно было организовать экспедицию в Шурышкарский район, провести серию интервью с коренными жителями, собрать фотоматериал

а также данные с похозяйственных книг района. В принципе — ничего страшного, но заказчик выражал серьезные сомнения по поводу того, что социологи смогут справиться с такой работой.

Наверное, и вправду говорят, что некоторые представители отдельной сферы знания могут сражаться за свою научную идентичность с «оружием в руках». Я же стараюсь избегать такого рода споры, поэтому не стал дискутировать с заказчиком по поводу того что социологи могут, а что — нет. Не стал рассуждать и о том, что в гуманитарном знании все методы в целом — универсальны, а свежий взгляд представителя смежной науки на проблемы, традиционно исследуемые этнографами и историками, может быть очень полезен. Упомянул лишь, что есть такая дисциплина — этносоциология и что знаю её не понаслышке.

Опущу детали связанные с разработкой, согласованием и утверждением программы исследования.хлопот было много, но этот этап прошли. Самое интересное началось летом, когда лёд сошел с Оби и появилась возможность добраться и передвигаться по исследуемому району водным транспортом (зимой там очень холодно, а в межсезонье «ходят» только вертолёты).

До этого мне уже приходилось работать на Ямале, поэтому были знакомства в окружном руководстве. Кроме того я начал свое исследование в Салехарде и предварительно пообщался с представителями коренных малочисленных народов Севера (КМНС), занимающихся этнокультурной деятельностью в окружном центре. Побывал в общественных организациях, защищающих интересы КМНС. Познакомился с представителями СМИ и даже был приглашен на прямой эфир радиопередачи, где рассказал о предстоящем исследовании. Таким образом «подготовил почву» перед экспедицией.

До райцентра — поселок Мужы, добрался на теплоходе «Метеор». Там встретился с представителями администрации, которые, в дальнейшем, оказывали мне полную поддержку с транспортом, проживанием, встречами с необходимыми людьми. Все населенные пункты, которые входили в план экспедиции посещал ежедневными выездами из райцентра с возвращением обратно. Несколько раз, когда нужные деревни находились далеко, оставался ночевать там. Приходилось ездить на моторных лодках с местными рыбаками, медицинских катерах, с журналистами, которые готовили репортажи с Ямальской глубинки, с представителями районной власти. Ночевал тоже не всегда в гостинице. Приходилось останавливаться в домах у местных жителей, в школе-интернате, поселковых администрациях.

Основным методом исследования было глубинное неформализованное нарративное интервью. Ход общения определялся личностью респондента и сферой его деятельности, но цель была одна — определить характер и направленность изменений, происходящих в традиционной жизни КМНС. В случае если респондентом был представитель КМНС, то речь шла о его биографии, жизненном укладе, оценке современных процессов, происходящих в среде его народа. Если респондент представлял власть, общественные организации, СМИ, медицину, торговлю и т.д., то беседа велась уже как с экспертом. Иногда в одной роли выступали представители обеих категорий, тогда, соответственно, беседа проходила по «усреднённом» сценарию. Все интервью записывал на диктофон. Всё, что привлекало внимание — фотографировал. Где было возможно, собирал статистику.

За две недели экспедиции я посетил около десятка населенных пунктов Шурышкарского района и пообщался с большим количеством самых разных и интересных людей.

Простые рыбаки и оленеводы, рассказывали мне о своей жизни, языке, национальной одежде. При мне обсуждались ежедневные текущие бытовые проблемы. Кулинарные предпочтения КМНС я изучал методом «включённого наблюдения», сидя с ними за одним столом. Однажды даже пришлось пить водку и закусывать её сырой оленьей печенью. Местные предприниматели, из числа КМНС, скупающие и перерабатывающие продукты промысла рассказывали о своих экономических проблемах. Жаловались на то, что традиционная хозяйственная деятельность страдает из-за ухудшения экологической ситуации, связанной с добычей нефти и газа.

Встречался с известным на весь мир художником, занимающимся резьбой по дереву и плетением берестяных изделий, изготовлением традиционной домашней утвари. Он обстоятельно рассказал о ситуации с традиционными видами декоративно-прикладного творчества, представил свое видение его перспектив.

О специфике медицинских проблем КМНС мне многое поведал главврач района, с которым, как я уже упомянул, мне пришлось несколько часов ехать в одной лодке. До сих пор сожалею, что интервью с ним мне не удалось записать, т.к. в дороге было очень шумно из-за работающего мотора.

Посетил день рыбака – один из самых больших и любимых местными жителями праздников, учитывая, что рыболовство основной промысел КМНС в Шурышкарском районе. Этот праздник ежегодно организуется в одном из поселков. На нем награждают лучших работников отрасли, варят уху, устраивают конкурсы и игры.

Одну ночь я провел в школе-интернате, где меня разместили за неимением гостиниц в поселке. Дети на летний период уехали на каникулы к родителям, а в самом здании проводился ремонт. Вообще интернаты на Севере – это отдельная история. Их создавала советская власть, чтобы дать детям образование, а их родителям возможность спокойно заниматься промыслом. Некоторые исследователи считают, что именно интернаты сыграли решающую роль в утрате КМНС самобытности, сформировали иждивенчество. Я посмотрел, в каких условиях живут дети, поговорил с педагогами.

Отдельного внимания заслуживают краеведческие музеи, которые есть практически во всех поселках. Больше всего мне запомнился Овгортский. Изначально он открывался как школьный музей, и множество экспозиций: коллекция древних бронзовых предметов, чучела зверей и птиц, традиционная одежда, шаманские принадлежности собирались школьниками. Мне показался очень интересным один экспонат – карта-схема реки Сыня, с изображенными на ее берегах родовых территорий северных ханты. В другом музее, который мне довелось посетить был организован детский лагерь. Дело в том, что это музей-заповедник, который находится под открытым небом. Там были представлены различные виды традиционных жилищ, культовые места. Дети, проживая в лагере, учились готовить национальные блюда, ремонтировать традиционные лодки. Директор этого проекта рассказывала мне, что таким способом они пытаются возродить в детях чувство принадлежности к своей культуре.

Также в каждом поселке старался общаться с главой. Иногда попадались пожилые и мудрые люди, наблюдающие жизнь КМНС на протяжении долгого времени, а иногда молодые люди — только со студенческой скамьи. Их мнение тоже было очень интересно, поскольку позволяло «снять» впечатления человека, пришедшего на управленческую должность и впервые столкнувшегося с реальными проблемами простых людей.

Однажды в одном из поселков меня пригласили в гости. Это был большой хороший дом. Меня встретили в национальных одеждах. Среди них была представительница национальной интеллигенции — женщина, приехавшая из Ханты-Мансийска проведать своих родственников. Она оказалась кандидатом наук, писателем, известным среди ханты. Её точка зрения на перемены, происходящие в культуре КМНС, существенно дополнила картину, которая у меня сложилась к тому моменту.

Было еще много чего интересного в ходе этой экспедиции. И, несмотря на то, что по инициативе заказчика контракт по этому исследованию пришлось расторгнуть сразу по завершению полевого этапа, и заказчик и эксперты из Института этнологии и антропологии РАН, просмотревшие собранный материал однозначно согласились, что получены очень хорошие и качественные данные.

Люди, знакомые с ситуацией, говорили, что мне удалось получить такую информацию из-за моей национальности и внешности. Северные народы по своей природе недоверчивы, а я, мол, немного похож на них, поэтому ко мне было больше доверия. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но то, что это исследование проводилось мной с душой — факт. Я подходил к людям абсолютно открытый, а они отвечали мне тем же. Я очень глубоко проникся и предметом и объектом исследования, а разрыв контракта посчитал подарком судьбы, поскольку сейчас имею на этот материал авторское право и в следующем году планирую издать его в виде монографии. Я думаю, что ощущения, полученные мной в ходе этой экспедиции это и есть мои самые сильные впечатления связанные с научной деятельностью.

О научных авторитетах, и уважаемых мной людях.

Говорить об авторитетах в социологии мне сложно, потому что в эту науку я пришел с естественнонаучным образованием. То есть у меня сложилась призма, через которую я оценивал происходящие в обществе процессы. Всё что я читал, изучал, исследовал, занявшись социологией, укладывалось не в пустую коробочку, а теснило находящееся там, спорило с ним, находило компромисс. Скорее всего, тот период, когда от прочитанного создаются сильные впечатления и, соответственно, формируются научные авторитеты, был занят не социологией.

Наверное, поэтому общенаучными авторитетами для меня до сих пор остаются естествоиспытатели, некоторые из которых, свои идеи распространяли и на общественные сферы. Я уже упоминал И. И. Мечникова с его безупречной, на мой взгляд методологией, и Л. Н. Гумилёва, труды которого хотя и трудно назвать естественнонаучными, вызывают глубокое уважение, говорил о В. И. Вернадском. Другие наши соотечественники, имена которых в первую очередь всплывают у меня в сознании, когда используется эпитет «Великий» —

это, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев, В. В. Докучаев, Н. И. Вавилов. С трудами и идеями каждого из них в той или иной мере я сталкивался во время учебы. Зарубежные «Великие» для меня это: Ч. Дарвин, Ж.-Б. Ламарк, Г. Мендель...

Говорить о современных социологах, как я уже упоминал, мне затруднительно. Я могу оценить для себя только тех людей, с которыми мне приходится сталкиваться в повседневной деятельности. Я больше чем уверен, в российской социологии очень много людей, которые могли бы заслужить мое уважение, но со многими я просто не знаком. Здесь, я бы не хотел использовать слово «авторитет», скорее хотел бы упомянуть отдельных людей и их качества, которые вызывают у меня уважение.

Это, в первую очередь Вера Владимировна Гаврилюк. Человек, который однажды поверил в меня, дал возможность заниматься социологией. Человек, которого я могу смело назвать Учителем. Я и сейчас очень часто захожу к ней за ценным советом и никогда не выхожу с «пустыми руками». Также хочется сказать о Мехришвили Ламаре Ленгизовне — в ней удивительным образом сочетаются такие качества как человеческая доброта, отзывчивость и высокий профессионализм, научная «мудрость». В Хайруллиной Н. Г. мне нравится целеустремленность, умение находить выход из любой ситуации. Здесь же хотелось бы упомянуть еще одного человека, с которым мне не приходилось работать, но вижу его практически каждый день. Он сидит в соседнем кабинете, и у меня всегда есть возможность оценить его чувство юмора и наблюдать его трудоспособность. Это Владимир Иосифович Бакштановский.

Среди тех людей, у кого мне приходилось учиться хочется назвать женщин-методологов: Г. Г. Татарову, И. Ф. Девятко, и Ю. Н. Толстова. Каждая из них по-своему кажется мне очень сильной и умной женщиной. И, наконец, не могу не сказать о Вас Борис Зусманович. Вы человек, который сильно активизирует мои умственные процессы, задавая нужные вопросы. Я никогда столько не писал от себя, как общаясь с Вами. И речь не только об этом биографическом интервью, вся переписка с Вами оказывает удивительное мотивирующее воздействие на меня. Мне нравится Ваша привычка всегда фиксировать любую информацию, четко систематизировать её. Помню Вашу тетрадь, которую я наблюдал на одной из грушинских конференций. Тогда кто-то дал Вам свою визитку и Вы немедленно вклеили её в эту тетрадь, сопроводив какими-то своими комментариями. Также удивляюсь Вашей работоспособности и продуктивности.

О преподавательской деятельности.

Как я уже упоминал, преподавать я начал с первых дней поступления в аспирантуру. И до сих пор я считаю эту деятельность самой важной для повышения уровня собственного профессионализма. Мне кажется, если у исследователя накапливается практический опыт, но он не озвучивается в аудитории, то дело не доделывается до конца. Недаром латинское крылатое выражение гласит: «*Nomines, dum docent, discunt*», что означает «учи других и сам поймешь».

Я очень часто формулирую в голове мысли, задавая себе вопрос: «как бы я объяснил это студентам?». Иногда в процессе преподавания в голову приходят новые идеи для решения той или иной исследовательской задачи. Но здесь главное не «переборщить». Я всегда удивлялся людям, способным каждый день проводить по несколько занятий. Лично меня хватает на 2, максимум 3 пары,

при условии, что занятия у меня не чаще 2 раз в неделю. Дальше заканчивается творчество и начинается рутина, которая не приносит никакого удовольствия ни мне, ни студентам.

Дополнение о семье отца

Объективной информации о семье отца от него самого мне получить так и не удалось. Отец мне сразу сказал, что он не сможет сказать о родственниках такое, что ему самому не нравится. Отправил меня к тётке, сказав, что всеми генеалогическими делами занимается она. Я до нее так и не добрался. Но от отца мне всё-таки удалось выяснить один интересный «методологический» факт. Оказывается мои предки хранили историю своей семьи при помощи окружающей их обстановки в доме. Это мог быть старый семейный ковер, или сучковатый деревянный потолок. Каждый элемент орнамента нес в себе информацию о родственниках, важных событиях в их судьбе. И рассматривая, например, ковер, бабушка часами могла рассказывать своим внукам историю своего рода.

Еще один, на мой взгляд, важный момент, о котором я не упомянул.

Два года назад я женился на девушке, которая тоже работает в нефтегазовом университете. Римма — гидрогеолог и защитилась буквально за год до нашей свадьбы. То что она тоже занимается научной деятельностью и преподает, что, на мой взгляд, способствует поддержанию благоприятной для научной деятельности атмосферы в доме.

Шамиль, только что наступил 2015 год. Будет естественно закончить нашу беседу вопросом о планах на начавшийся год и на ближайшие летия... Что главное?

Самое главное в ближайшие год-два — это закончить начатое. У меня есть одна плохая черта — я не всегда могу себя заставить довести дело до конца, откладывая его в «дальний ящик».

Очень трудно перейти на новый жизненный этап с долгами, которые все время тянут назад, обращая на себя внимание. Теперь же я чувствую, что время подошло. Наверное, наступил тот возраст, когда хочется не просто генерировать идеи, но тщательно их прорабатывать, оформлять и видеть конкретные результаты своего труда.

В первую очередь это публикации. Много чего накопилось: идеи, зарисовки, практически готовые, но не оформленные должным образом работы. Нужно подготовить пару учебников, пару монографий, и, самое главное — диссертацию. Речь пока не о защите, главное, чтобы был законченный текст, который можно обсуждать, дорабатывать.

В личной жизни, не связанной с наукой — хотелось бы достроить дом, который я начал в позапрошлом году. Было бы хорошо, наконец «победить» английский язык. И, наконец, думаю, что уже пора увеличивать численный состав своей семьи. В общем, планов много, надеюсь, что обстоятельства не помешают их реализации.